

О. В. Горелова, К. Д. Шепетун

РОМАН О. С. ЩЕРБАНОВСКОГО «СЛЕПОЙ КАПИТАН» В ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Статья посвящена лингвокультурному анализу романа Олега Щербановского «Слепой капитан» как источника для реконструкции полиэтничной среды Владивостока 1920-х годов. Доказывается статус художественного текста в качестве достоверного исторического свидетельства, основанного на личном опыте автора-современника. Послойный анализ языковой ткани произведения — топонимии, диалектной и заимствованной лексики, социального жаргона — позволяет выявить, как в речи и наименованиях закрепились сложная социальная стратификация, межкультурные контакты и конфликты. Делается вывод о том, что роман моделирует образ Владивостока как «плавильного котла» культур, находящегося в процессе переопределения между имперским прошлым и советским будущим.

Ключевые слова: Олег Щербановский, «Слепой капитан», Владивосток, Дальний Восток, 1920-е годы, лингвокультурология, полиэтничность, языковое пространство, топонимика, диалектизмы, заимствования, социальный жаргон, исторический источник.

Художественная литература, будучи продуктом своей эпохи, нередко выступает в роли исторического свидетельства, фиксирующего не только дух времени, но и его конкретные бытовые, языковые и культурные реалии. Особенно в этом плане ценны произведения региональных авторов, чьё творчество зиждется на локальном контексте. Роман Олега Щербановского «Слепой капитан» [8], описывающий Владивосток 1920-х годов, представляет собой именно такой источник — художественное повествование, насыщенное культурными кодами революционной эпохи на Дальнем Востоке. Этот материал по-своему уникален в связи с тем, насколько объективно затруднено изучение повседневности и межкультурных контактов в условиях поворотных исторических периодов. О. Щербановский был незаслуженно забыт прежде всего как талантливый автор [1, с. 49–53], однако в настоящей статье фокус внимания будет заострён на конкретном его труде как на ценном лингвистическом документе, позволяющем реконструировать полиэтничную реальность Дальнего Востока 1920-х годов.

Целью работы является реконструкция ключевых черт полиэтничной среды Владивостока 1920-х годов на основе анализа лингвистического материала. Для её достижения ставятся следующие задачи: 1) систематизировать и

классифицировать языковые единицы, выполняющие маркирующую функцию; 2) раскрыть их связь с конкретными историческими, социальными и этнографическими реалиями; 3) определить, как через языковую ткань текста моделируется образ города как «плавильного котла» совершенно разных культур. Фокус внимания будет зафиксирован на нескольких ключевых слоях романа, среди которых: топонимический ряд, воссоздающий географический и исторический образ города, диалектная и заимствованная лексика, отражающая полиэтничность его населения, а также жаргон, подсвечивающий внутренние конфликты в обществе того времени. Последовательный анализ этих лексических пластов и составит основное содержание статьи.

Прежде всего, перед тем как перейти к непосредственному анализу языковых пластов романа, следует обосновать возможность рассматривать художественный текст О. Щербановского в качестве релевантного историко-культурного источника. Ключевым аргументом в эту пользу является синтез позиций, которые автор занимает в своём произведении: свидетеля-современника, чья память является первичным источником информации, носителя регионального языкового кода, бессознательно воспроизводящего в тексте лексику своей среды, и художника-беллетриста, вплетающего эти элементы в ткань чисто художественного повествования, не лишая их при этом подлинности. Автор «Слепого капитана» описывает Владивосток не по архивным материалам или чужим рассказам — он был прямым очевидцем и участником жизни города в ту переломную эпоху. Олег Щербановский родился 17 октября 1918 года, и всё его детство и отрочество пришлось на период интервенции и Гражданской войны: в его памяти прочно запечатлелись голод, коллективизация, тиф, рыбные промыслы, крестьяне, бросавшие в тридцатые годы своё хозяйство и бежавшие из деревень. Эти впечатления легли в основу не только социокультурного фона, но и самой атмосферы романа, воссозданной с достоверностью свидетеля.

Важнейшим источником аутентичности и детализации морского и портового мира в романе стало глубокое погружение Щербановского в морскую стихию [1, с. 50]. Его отец, Сергей Щербановский, рано ушедший из жизни, был капитаном дальнего плавания — его образ возникает едва ли не в каждой книге писателя в качестве дани уважения его воспитанию: родившийся и выросший у моря, Олег с детства впитывал его язык, жизненный уклад и ценности. В военные годы он не смог попасть на фронт из-за обнаруженной у него ещё в детстве близорукости, поэтому был призван трудиться на плавучих заводах. Так, его доскональная осведомлённость об изнанке тяжёлых

и опасных быта и труда моряков того времени является не книжным знанием, а важной частью профессиональной биографии.

Даже в страшное военное время Щербановский занимался самообразованием: энциклопедии и словари оставались его неизменными спутниками и друзьями. Будучи журналистом «Тихоокеанского комсомольца», он «колесил по краю», расширял свой кругозор, знакомился с людьми и писал заметки о них же — «истинном предмете литературы» — рыбаках, краболовах, моряках транспортного флота, лесорубах, судоремонтниках и многих других. Творческий метод Щербановского отмечали за умение «ярко и убедительно рисовать образы» [1, с. 52]. Его профессия требовала способностей к документальной фиксации окружающей реальности, а поездки давали возможность насытить свои произведения новыми картинками и сюжетами. И при внимательном знакомстве с плодами его трудов не приходится сомневаться в его журналистском навыке на лету схватывать детали и речь, сочетая их с писательским талантом. Это обеспечивает точность в воспроизведении языкового материала.

Накопленный жизненный и профессиональный опыт кристаллизовался в главном художественном образе его прозы — Владивостоке, оказывающемся в произведении не условным «городом у моря», а с любовью воссозданном без прикрас по личной, чувственной памяти портретом малой родины. Действие «Слепого капитана» разворачивается в пространстве, которое трансформирует топографию текста из литературного приёма в документ личной и коллективной памяти. Узнаваемые улицы, районы с их социальным окрасом, специфические детали быта — все эти реалии стали неотрывной плотью и кровью романа, где топографические подробности настолько точны, что позволяют отследить географию событий, касаясь реальных, сохранившихся до настоящего времени мест, ставших родными для множества дальневосточников в последующие времена.

Творческая установка О. Щербановского на достоверность и независимость впечатляет своей смелостью [1, с. 50]. В своём повествовании автор позволяет читателю столкнуться с проблемными аспектами регионального бытия прошедшей эпохи, бывшего для него и его современников обыденностью: беспризорностью, контрабандой, бытом знаменитой «Миллионки», работой порта, речью разноязычной улицы, подчиняющейся лишь своим собственным «волчьим» правилам. О. Щербановского оскорбляли редакторские требования, не соответствующие правде жизни, благодаря чему можно судить о нём как о творце, преданном личному опыту, а не идеологическим схемам.

Таким образом, он выступает не в роли исследователя прошлого, а в роли своеобразного «мемуариста», сконцентрировавшегося не только на реконструкции городского ландшафта 1920-х годов, но и на воссоздании эмоциональной и социальной обстановки в его границах. Под печатью внимательного, почти этнографического взгляда О. Щербановского лингвистический материал романа предстаёт не стилизацией, а отражением живого языкового слоя, который писатель воспринимал непосредственно. Благодаря этому автор сумел подарить нам картину Владивостока не как статичной декорации, а как живого дышащего организма.

Теперь, когда не осталось сомнений в уникальном статусе О. Щербановского как свидетеля и носителя локального языка эпохи, можно перейти к непосредственному анализу языковой ткани романа. Топонимический слой в «Слепом капитане» представляет собой естественным образом организованную и прочно вплетённую в повествование систему географических и социокультурных координат. На макроуровне ойконимы и гидронимы задают широкий геополитический и экономический ареал города. Упоминания Шанхая, Порт-Артура, Нагасаки и Тяньцзиня выполняют двойную функцию [2]. С одной стороны, они выступают метками основных торговых и военно-морских маршрутов в регионе Японского моря, подчёркивая статус Владивостока как ключевого порта. С другой — эти названия, звучащие в речи героев или в авторских описаниях, постоянно напоминают читателю о близком и мощном азиатском контексте, в который погружён русский город. Особняком стоит Маньчжурия — топоним, обозначающий не просто соседнюю территорию, а зону нестабильности, источник миграции и, в восприятии персонажей, потенциальной угрозы [7, с. 102]. Так, внешняя топонимика очерчивает не физические, а культурно-политические границы среды, в которой существует Владивосток.

Второй, наиболее репрезентативный уровень образуют урбанонимы — названия внутригородских объектов. Они создают детальную социальную карту, где знаковый район или здание получает чёткую социально-этническую характеристику. Ярчайший пример — «Миллионка». Это слово, как в романе, так и в исторической реальности, превратилось в многозначный символ. Это и китайский квартал с его лабиринтами дворов, и синоним криминального мира, контрабанды и беспризорности, и метафора чужеродного, неподконтрольного уклада жизни в центре города. Его противопоставление другим урбанонимам структурно организует пространство романа: «Семёновский ковш» (рабочая, портовая гавань), «Чёрная речка» (район, где расположен детский дом — пункт принудительной «советизации»

беспризорников), «Кладбище кораблей» (приют и последнее пристанище отверженных). Отдельную группу составляют названия, фиксирующие деловую активность и мультикультурные экономические связи дореволюционной поры: немецкий торговый дом «Кунст и Альберс», фирма сибирского купца «Чурин и Ко», гостиница «Версаль». Их упоминание в романе о 1920-х годах — это не только воссоздание колорита, но и напоминание о прерванной исторической преемственности, об ином, нэповском или даже буржуазном прошлом города, призраки которого ещё бродят по его улицам.

Наконец, третий уровень — локальные гидронимы и оронимы. Бухта Золотой Рог, пролив Босфор Восточный, Амурский залив — ключевые точки ориентации, пространственные константы в жизни каждого горожанина, чья жизнь неразрывно связана с морем. Примечательно, что центральная бухта и пролив носят названия, данные по аналогии с символами Византии и Османской империи. Эта имперская топонимическая проекция («второй Константинополь») вступает в сложный диалог с реалиями закрытого портового города, полного социальных язв. Она отражает несоответствие между грандиозными геополитическими замыслами центральной власти и суровой, часто маргинальной повседневностью дальневосточной окраины. Одновременно с этим такие названия, как сопка Крестовая или остров Русский, становятся частью локального патриотического кода, «своими» местами, известными каждому жителю.

Если топонимика закрепляет полиэтничность на пространственной карте Владивостока, то слой диалектизмов и этнографизмов позволяет услышать её в живой речи и увидеть в материальной культуре повседневности. Наиболее представительную и семантически разнообразную группу образуют китайские заимствования, пронизывающие ключевые сферы существования [5, с. 128]. Они маркируют области непосредственных контактов: в сфере торговли и быта лексемы «фырган» (китайский продавец), «липучка» (пастила) и «лоба» (разновидность редьки) фиксируют прямое участие китайского населения в розничной торговле и формировании местных потребительских привычек; в области материальной культуры и транспорта слова «джонка» и «шампунька» (китайская лодка-сампан) выступают не экзотическими терминами, а названиями привычных типов судов в акватории порта, отражая китайское влияние в маломерном судоходстве. При этом социальные и криминальные аспекты сосуществования нашли отражение в словах «хунхузы» (бандиты) и «сеттльмент» (иностранная квартал), указывающих на зоны напряжённости и сегрегации.

Параллельно в языковом сознании владивостокцев присутствуют маркеры других восточноазиатских культур, фиксирующие их специфический вклад в жизнь региона. Корейское присутствие отражено в просторечном прозвище «ербо», которое указывает на устоявшееся, узнаваемое место корейской диаспоры в социальном ландшафте. Японское влияние в хозяйственной и промысловой сфере закреплено словом «иваси» (сардина) — термин, пришедший из японского языка и прочно вошедший в местный кулинарный и экономический обиход, что свидетельствует о заимствовании как самого слова, так и связанной с ним практики.

Отдельную и не менее важную группу составляют собственно дальневосточные русские диалектизмы, демонстрирующие, как новая среда породила новую лексику для её освоения и осмысления [3, с. 31]. Эти слова обозначают универсальные для всех жителей региона реалии. К ним относятся обозначения географических особенностей («сопка» — холм, гора), специфической флоры и фауны («пиленгас», «колюшка» — виды рыбы, «морская капуста»), а также элементов быта и характерных речевых оборотов («сера-жевалка» — суррогат жевательной резинки, «на ять» — отлично, обращение «паря» — юноша). Слова типа «сопка» или «пиленгас» (в местном произношении также «белингас») фиксируют фонетические особенности устной речи [4, с. 213], а семантические диалектизмы вроде «дерябнул» (в значении «выпить залпом») демонстрируют переосмысление общерусской лексики в новых бытовых контекстах. Таким образом, опыт взаимодействия с иными культурами и особой природной средой переплавился в собственную речевую норму.

Последний, маргинальный слой языковой картины романа составляют иноязычные вкрапления и социальный жаргон. Если диалектизмы отражают повседневное взаимодействие в бытовой сфере, то этот слой обнажает расслоение и конфликты внутри городского сообщества, демонстрируя, как язык служит инструментом самоидентификации и отграничения. Центральное место здесь занимает воровской жаргон (арго), выступающий диалектом социального «дна». Такие лексические единицы, как «зырь! / кнацай!» (смотри), «шамай» (ешь) и выражение «для форсу» (для показной важности), выполняют двойную функцию. Во-первых, они создают абсолютно достоверную речевую характеристику персонажей-беспризорников и контрабандистов, чья жизнь проходит на грани закона. Во-вторых, они символизируют их глубокое отторжение от «большого» общества.

Этот жаргон — пароль, указывающий на принадлежность к замкнутой группе, живущей по своим законам. Апогеем языковой автономии является тайная речь «шицы» — искусственно сконструированный язык-шифр, где «в каждом слове в одном из слогов согласный звук заменяется на «ш». Само существование такого кода в романе является ярчайшим лингвистическим свидетельством глубины социального раскола, сформировавшего в недрах города закрытые, враждебные внешнему миру анклав. Что касается иноязычных вкраплений, они становятся микроследом лингвистической пестроты портового города. Украинские реплики маркируют толпу переселенцев [6, с. 210], французские слова — наследие международного офицерского корпуса высокого интеллигентного происхождения и торговых связей, а «ломаный японский» — фон ежедневных контактов с моряками и рыбопромышленниками из соседних стран.

Весь этот многослойный лингвистический материал работает в романе как целостная система, создавая не только антураж, но и моделируя сложную социальную структуру и уникальное речевое пространство дальневосточной окраины. С одной стороны, прослеживается вертикальное расслоение, закреплённое в языке. С другой стороны, роман фиксирует горизонтальные динамические процессы — постоянное смежное взаимодействие этих слоёв. Это позволяет утверждать, что полиэтничность Владивостока сопровождалась острой социальной и коммуникативной дифференциацией; он предстаёт городом, чья идентичность находится в напряжённом процессе переопределения между имперским прошлым, восточноазиатским настоящим и советским будущим.

Проведённый анализ убедительно доказывает, что роман О. Щербановского «Слепой капитан» является ценнейшим лингвокультурным источником, своеобразным «языковым снимком» эпохи. Через детализированный слой топонимов, диалектизм, заимствований и социального жаргона произведение позволяет восстановить конкретные, чувственно осязаемые черты полиэтничного Дальнего Востока 1920-х годов. Текст становится ключом к пониманию того, как в пространстве одного города одновременно сосуществовали, конфликтовали и взаимопроникали разные культурные миры. Язык в романе выступает активным участником социальной жизни, инструментом, который одновременно и сплавлял разнородные элементы в уникальную гибридную повседневность, и чётко маркировал внутренние границы, проводя линии социального и этнического размежевания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Андреева, М. К далёким островам. Перечитывая Олега Щербановского / М. К. Андреева. — Текст : электронный // Словесница Искусств. — 2022. — № 2 (50). — С. 49–53. — URL: <https://www.slovoart.ru/node/2739>.
2. Зуенко, И. Ю. Китаеязычная топонимика Приморского края как результат межкультурного взаимодействия в Дальневосточном регионе / И. Ю. Зуенко. — Текст : электронный // Известия Восточного института. — 2011. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitaeyazychnaya-toponimika-primorskogo-kрая-kak-rezultat-mezhkulturnogo-vzaimodeystviya-v-dalnevostochnom-region>.
3. Оглезнева, Е. А. Дальневосточный региолект русского языка как региональный вариант русского национального языка / Е. А. Оглезнева // Слово : фольклорно-диалектологический альманах : материалы научных экспедиций. Вып. 10 / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. — Благовещенск, 2013. — С. 27–37.
4. Оглезнева, Е. А. «На Дальнем Востоке говорят правильно»: миф или реальность? / Е. А. Оглезнева // Слово : фольклорно-диалектологический альманах : материалы научных экспедиций. Вып. 10 / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. — Благовещенск, 2013. — С. 212–219.
5. Оглезнева, Е. А. Русский язык в условиях языкового контакта с китайским языком: формы и варианты взаимодействия / Е. А. Оглезнева // Социо- и психолингвистические исследования. — 2021. — Вып. 9. — С. 127–136.
6. Оглезнева, Е. А. Языковая ситуация в Дальневосточном регионе России: динамика славянской составляющей / Е. А. Оглезнева // Слово : фольклорно-диалектологический альманах : материалы научных экспедиций. Вып. 10 / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. — Благовещенск, 2013. — С. 208–214.
7. Оглезнева, Е. А. Язык русского восточного зарубежья в связи с волнообразным характером эмиграции на восток (К вопросу о социальной обусловленности языковых явлений) / Е. А. Оглезнева // Вестник Амурского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. — 2009. — № 44. — С. 106–109.
8. Щербановский, О. С. Слепой капитан : роман / О. С. Щербановский ; худож. Е. Дацко. — Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1976. — 270 с. : ил.